

Ночь прошла спокойно. На следующий день съёмочная группа приступила к одной из самых долгожданных и динамичных сцен с участием Гу Мо — автомобильной погоне.

По сюжету Тан Нина похищают бандиты. Фу Чэньи вовремя замечает это, бросается в погоню на машине, вступает в яростную схватку с преступниками и в конце концов спасает юношу.

Чжан И немного волновался перед съёмками. Ещё бы: бешеная гонка, драка — по сути, единственный по-настоящему масштабный экшен во всём фильме. Ему безумно хотелось увидеть, как проявит себя Гу Мо.

У самого Чжан И работы на сегодня было немного: отсняться в паре кадров, где его освобождают из багажника. Сцену самого похищения планировали доснять позже.

Площадку обустроили на глухом, удалённом от города шоссе. Прибыв на место, Чжан И увидел, что трасса уже перекрыта, а на обочинах расставлены предупреждающие знаки. Режиссёр Ян Цзинь пояснил, что дорога эта второстепенная, поток машин здесь скудный, но съёмочной группе всё равно пришлось попотеть, чтобы выбить разрешение на полное закрытие движения на весь день. Теперь каждый на площадке молился, чтобы всё прошло без сучка и задоринки.

Тан Нин очнулся в полузабытьи. Тело отозвалось глухой, ноющей болью, особенно сильно раскалывался затылок. Он попытался пошевелиться, но тут же понял, что зажат в каком-то тесном, душном пространстве. Выпрямиться было невозможно.

Ни паники, ни страха не возникло. Тан Нин знал: раз тела тех троих найдены, подозрения неизбежно падут на него. Всё повторится, точь-в-точь как после той автокатастрофы три года назад...

«Пусть всё закончится, — отрешённо подумал он. — Может, если я умру, кошмар наконец прекратится?»

Тем временем Фу Чэньи, чьи мысли в последнее время были заняты исключительно Тан Нином, шёл к круглосуточному магазинчику, чтобы поговорить с ним. Подходя к перекрёстку, он поднял взгляд и оцепенел: на противоположной стороне улицы похитители как раз заталкивали Тан Нина в багажник неприметного седана. Ни секунды не колеблясь, Фу Чэньи бросился к своей машине, завёл мотор и рванул следом.

На площадке Ян Цзинь увлечённо объяснял Гу Мо задачу: показывал, как лучше держаться за рулём, какие эмоции отыгрывать лицом. Он предупредил, что следом пойдёт операторский

автомобиль, так что нужно быть предельно осторожными. Чжан И стоял неподалёку и ловил каждое слово режиссёра — в его актёрском багаже подобных динамичных сцен ещё не бывало, так что любой опыт шёл в копилку.

Наконец прозвучала команда к началу. Операторская машина плавно тронулась вперёд, а Гу Мо пристроился за ней, держа ровную дистанцию. Камеры фиксировали каждый жест актёра спереди и сбоку, ловя малейшие изменения мимики.

— Стоп! — зычно прокричал Ян Цзинь в мегафон. — Гу Мо, в глазах пустовато! Нам нужна более сложная гамма эмоций. Ты беспокоишься за его жизнь, ты в ярости! Давай ещё раз.

Гу Мо понятиливо кивнул. Машины послушно сдали назад к исходной позиции, чтобы повторить дубль.

После нескольких попыток режиссёр наконец остался доволен. Не теряя времени, он скомандовал переходить к следующей сцене: нужно было успеть, пока держался правильный утренний свет. Опоздай они на пару часов, и полуденное солнце безжалостно разрушило бы мрачную атмосферу кадра, создав ненужные контрастные тени.

Фу Чэньи висел на хвосте у похитителей. Несколько раз он пытался подрезать их, прижать к обочине, но опытный водитель за рулём чужой машины хладнокровно уходил от столкновений. И всё же на крутом повороте Фу Чэньи удалось заблокировать дорогу, заставив беглецов затормозить.

Вместо того чтобы броситься наутёк, похититель выскочил из салона, блеснув зажатым в руке лезвием. В голове Фу Чэньи взвыла мысленная сирена — этот парень явно не из простых любителей лёгкой наживы. Обычный уголовник уже сверкал бы пятками, а этот шёл напролом, готовый убивать.

Фу Чэньи рванулся навстречу. Пригодились годы тренировок по армейскому рукопашному бою за границей: он резко ушёл корпусом в сторону, уклоняясь от свистящего клинка, и попытался перехватить вооружённое запястье. Но противник оказался чертовски ловок — крутанув нож в ладони, он едва не полоснул Фу Чэньи по пальцам. Тот едва успел отдернуть руку, чувствуя, как холодная сталь рассекает воздух в миллиметре от кожи...

Слаженность движений Гу Мо и каскадёра, игравшего бандита, по-настоящему поразила съёмочную группу. Кто бы мог подумать, что он, утончённый и всегда безупречно вежливый, в драке окажется настолько собранным и беспощадным?

— Ничего себе! У него что, реальная боевая подготовка? До чего же хорош! — шёпотом делились восторгом техники за кадром.

Сцену они репетировали заранее, благо оба имели отличную координацию. В объективе камеры их схватка выглядела невероятно реалистично: тяжёлые, хлёсткие удары, стремительные блоки, ни одного лишнего движения. Зрители на площадке затаили дыхание — от такого зрелища захватывало дух.

Фу Чэньи ещё никогда не сталкивался с настолько сильным противником. Они кружили в яростном клинче. Его одежда уже окрасилась кровью из пары неглубоких порезов, но опыт и хладнокровие взяли своё. Поймав момент, он нанёс молниеносный боковой удар ногой, повалив нападавшего на землю. Быстро выхватив табельные наручники, он защёлкнул их на запястьях бандита. На ходу доставая телефон, чтобы набрать капитану Хэ Яну, он бросился к багажнику и рванул крышку вверх.

Увидев забившегося в угол, но целого и невредимого Тан Нина, Фу Чэньи облегчённо выдохнул. Отбросив телефон, он бережно подхватил юношу на руки и вытащил наружу.

Позже следствие выяснит, что это не было банальным похищением с целью выкупа. Тан Нина везли на убой.

Заказчиком оказался Лян Вэй — отец погибшего Лян Хунбо.

Лян Вэй, один из самых влиятельных магнатов города Т, безумно любил своего единственного сына. Ненависть к Тан Нину, главному подозреваемому в гибели наследника, выжигала ему душу. Быстрая смерть казалась безутешному отцу слишком лёгким избавлением: он хотел ломать парня медленно, смакуя каждую минуту его мучений.

Копая глубже, оперативная группа наткнулась на поразительные детали: давняя автокатастрофа, в которой пострадал Тан Нин, судя по всему, тоже была подстроена Лян Вэем.

Теперь, когда гибель его сына подтвердилась окончательно, обезумевший от горя олигарх окончательно сорвался с катушек.

Фу Чэньи внезапно осознал, что все ниточки этого запутанного, зловещего дела ведут к Тан Нину. Вокруг юноши клубилась плотная тьма нераскрытых тайн...

Накануне съёмок сцены спасения Чжан И и Ян Цзинь чуть не подрались из-за одной детали: должен ли Фу Чэньи выносить Тан Нина из багажника на руках.

— Ты совсем с дуба рухнул?! — гремел на всю площадку Ян Цзинь, теряя терпение от упрямства актёра. — Что такого в том, чтобы тебя до машины донесли? Не майся дурью! У нас впереди постельная сцена, а ты тут из-за банальных объятий истерику устраиваешь!

Чжан И всеми силами сопротивлялся идее «принцессинового переноса». Да, он понимал, что впереди ждут куда более откровенные кадры, но таскание на руках казалось ему слишком женственным. Мужское эго яростно протестовало.

Впрочем, когда включились камеры, Гу Мо не оставил Чжан И шанса на пререкания. Откинув крышку багажника, он лишь на секунду заглянул внутрь и решительным, хозяйским движением сгрёб коллегу в охапку. Ян Цзинь тут же зычно крикнул: «Снято! Дубль отличный!», не дав Чжан И даже пикнуть или потребовать пересъёмки.

Тому оставалось лишь мысленно объявить минуту молчания по своей уязвлённой маскулинности.

Постепенно график съёмок подобрался к самому интригующему моменту: первой откровенной сцене между Тан Нином и таинственным незнакомцем, как две капли воды похожим на Фу Чэньи. На самом деле, сцена планировалась довольно скромной — всего лишь несколько красивых планов в туманной, согретой паром ванной комнате. Ян Цзинь собирался максимально размыть картинку на монтаже, чтобы соблюсти цензурные рамки, однако поблажек актёрам давать не собирался.

Для режиссёра подобные эпизоды были в сто крат сложнее любых трюков и погонь. В экшене главное — выверенные движения. А в постельной сцене физика вторична: на первый план выходит психология, оголённый нерв персонажей.

Поэтому поздним вечером Ян Цзинь вызвал обоих актёров к себе в номер для детального разбора полётов.

— Да ладно вам, режиссёр Ян, не переживайте вы так. Справлюсь я, дело-то нехитрое, — отмахивался Чжан И, засыпая на ходу. Он искренне не понимал, из-за чего поднялся такой сыр-бор. Подумаешь, пара объятий в душевой.

Видя, как Чжан И откровенно кривится от режиссёрского занудства, Гу Мо лишь тихонько посмеивался.

— Ну хорошо, тогда объясни мне ещё раз: что творится в душе у Тан Нина в этот момент? Как ты покажешь его эмоции? — Ян Цзинь уставился в раскрытый сценарий. Режиссёра можно было понять: съёмки шли как по маслу, и споткнуться на ровном месте из-за фальши в ключевой сцене ему очень не хотелось.

Чжан И мысленно застонал и закатил глаза — он разжёвывал это уже раз пять. Но чтобы наконец вырваться на свободу, послушно повторил всё заново.

Только после трёх часов изнурительных обсуждений Ян Цзинь сжалился и отпустил их спать.

В тот вечер Тан Нин снова дождался визита таинственного гостя, неумолимо похожего на Фу Чэньи. Юноша осторожно, почти невесомо коснулся губами его щеки, будто оберегал хрупкое сокровище.

Мужчина замер каменным изваянием, но это нежное прикосновение сработало словно триггер. В следующую секунду он резко перехватил инициативу, грубо сжал затылок Тан Нина и впился в его губы требовательным, обжигающим поцелуем. Страсть вспыхнула мгновенно, как сухой порох от случайной искры.

Тан Нин поморщился от резкой боли, но мягко и умиротворённо улыбнулся. Пока незнакомец с дикой, звериной яростью срывал с него одежду, юноша тихо, ласково прошептал:

— Тише... пожалуйста, не надо так. Тебе не нужно причинять мне боль. Ты ведь всегда защищал меня... Пожалуйста, потише...

Его вкрадчивый, завораживающий голос подействовал как гипноз. Мужчина замер, его движения стали мягче, ярость уступила место глубокой, щемящей нежности. Тан Нин бережно обнял его за шею, притягивая к себе для нового поцелуя.

Вскоре их силуэты скрылись за плотной пеленой горячего пара, словно растворяясь друг в друге...

— Снято! — выдохнул Ян Цзинь.

Актёры мгновенно разомкнули объятия и весело переглянулись. Накинув тёплые халаты, услужливо протянутые ассистентами, Чжан И и Гу Мо побежали к режиссёрскому пульта оценивать результат.

Для обоих это был первый подобный опыт на экране, но химия между ними оказалась ошеломляющей. Они не просто отыграли движения — они полностью растворились в своих персонажах. Мимика, жесты, дыхание — всё выглядело пугающе искренно.

Ян Цзинь ошарашенно почесал затылок.

«И это всё? С первого дубля?» — пронеслось в его голове.

Не веря своим глазам, он запустил повтор. Картинка завораживала. Каждый кадр дышал неподдельным напряжением, не требуя никаких правок.

Обычно даже у самых опытных разнополых пар съёмка подобных сцен растягивается на часы и требует десятка дублей. А эти двое выдали чистый шедевр с первой попытки. Ян Цзинь даже ущипнул себя за руку, сомневаясь, не спит ли он.

Но даже его маниакальный перфекционизм не нашёл, к чему придраться. Эпизод, которого так боялась вся съёмочная группа, был завершён без единой заминки.

Чжан И панибратски похлопал режиссёра по плечу и задорно подмигнул:

— Ну что, босс, каково? Шедевр же, скажи?

Ян Цзинь ворчливо хмыкнул, слегка раздражённый этой самодовольной физиономией, но честно кивнул. Спорить было глупо — дуэт Чжан И и Гу Мо превзошёл все самые смелые ожидания.

Сценарист Фан Чжэн, сидевший рядом, не упустил случая подлить масла в огонь:

— Ого, Чжан И, дружище! Кто бы мог подумать, что наша главная звезда так органично смотрится в постели с мужчиной? Прямо твой конёк!

Чжан И за словом в карман не полез и тут же парировал:

— Скажи спасибо своему таланту, дорогой сценарист Фан! Кто у нас такие влажные фантазии на бумагу выливает?

Площадка взорвалась дружным хохотом.

Этот уморительный обмен колкостями аккуратно зафиксировала объективом своей цифровой камеры Сяо Цзя, снимавшая бэкстейдж для фанатов. Она тут же решила развить тему и обратилась к актёру:

— Брат Чжан, ну делись впечатлениями! Как ощущения от сцены?

— А что ощущения? У брата Гу тело просто космос, мне до такого пахать и пахать, — отшутился Чжан И.

Гу Мо смущённо улыбнулся и тут же возразил, качая головой:

— Да ладно тебе, у тебя форма куда лучше.

Они переглянулись и весело рассмеялись.

Сяо Цзя довольно сощурилась, не выключая запись. Вот он, золотой контент! Подобные мимолётные, едва уловимые знаки внимания между главными героями заставят фанатов визжать от восторга.

Сам Гу Мо прекрасно знал свой непростой характер. Он никогда не отличался мягкостью и терпеть не мог чужих прикосновений. Физический контакт с посторонними всегда вызывал у него глухое раздражение. Даже с Силоа Ким и Уилсоном Спарроу — людьми, которых он считал самыми близкими в своей жизни, — он всегда держал строгую дистанцию, не допуская лишних объятий.

Но стоило ему прижать к себе Чжан И, как внутри словно оборвался какой-то предохранитель. Тепло чужого тела, судорожный вздох у самого уха, податливая мягкость чужой кожи — это новое, пугающее ощущение заворожило его. Оно пробудило внутри глухой, настойчивый голод. Теперь ему безумно, до дрожи хотелось повторить это прикосновение.

Чжан И тоже мысленно возвращался к только что отснятым кадрам. Для него это был дебют в столь откровенном жанре, да ещё и с мужчиной. Самое странное — он не почувствовал ни капли брезгливости или неловкости.

«Наверное, всё дело в Гу Мо, — рассудил он про себя. — Будь на его месте кто-то другой...»

От этой мысли Чжан И передёрнуло, по спине пробежал неприятный холодок.

Гу Мо тут же заметил его минутную слабость и мягко спросил:

— Просквозило? Кондиционер на полную жарит, накинь куртку.

Чжан И благодарно улыбнулся и покачал головой, уверяя, что всё в порядке.

Глядя на эту открытую, сияющую улыбку, Гу Мо почувствовал, как его сердце бешено заколотилось. Что с ним происходит? Неужели он действительно болен?

В этот миг ему показалось, что он медленно, шаг за шагом теряет контроль над собственным разумом, превращаясь во вторую, тёмную и одержимую ипостась профессора Фу...